

УДК 159.9.01

В психологии отсутствуют исследования, посвященные проблеме факта. Факт традиционно трактуется как результат наблюдения или эксперимента, не допускающий неоднозначного толкования. Это противоречит широко известным ситуациям, когда факт оценивается и интерпретируется по-разному. В статье утверждается, что решить проблему факта возможно, только рассмотрев его в соотношении с другими методологическими категориями. Формулируется новый подход к анализу факта: рассмотрение факта должно быть включено в интегративную методологическую концепцию. Утверждается, что для психологии необходим уровневый подход к трактовке факта.

К л ю ч е в ы е с л о в а : методология; факт; психологическое исследование; когнитивная методология; философия науки; структура; уровень; предтеория.

There are no researches on the problem of the fact in psychology. The fact is traditionally interpreted as the result of observation and experiment, not allowing polysemantic interpretation. It contradicts widely known situations when the fact is estimated and interpreted in different ways. The article claims a possibility to solve the problem of the fact only considering it in the relationship with other methodological categories. A new approach to the analysis of the fact is being formed: consideration of the fact should be included into the integrative methodological conception. It is stated that psychology needs a level approach to the interpretation of the fact.

К e y w o r d s : methodology; fact; psychological research; philosophy of science; cognitive methodology; structure; level; pre-theory.

В. А. Мазил

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

E-mail: v.mazilov@yspu.org

Психологический факт в зеркале философии, психологии и философии науки*

Научная статья

V. A. Mazilov

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky

E-mail: v.mazilov@yspu.org

Psychological Fact in the Mirror of Philosophy, Psychology and Philosophy of Science

Scientific article

Не должно создаться впечатление, что психологический факт не исследовался в психологии. Многими авторами, особенно рассматривавшими процесс познания и научного исследования, затрагивались вопросы факта, но он не был предметом специального изучения в психологии. Однако структура психологического факта, отражающая специфику психологического исследования, до настоящего времени, по сути, не раскрыта и не изучена.

Отметим, что не бывает правил без исключений. Среди психологических работ можно выделить исследование И. И. Ивановой и В. Г. Асе-

ева [1], посвященное методологии и методам психологического исследования. Авторы обращают внимание на важную деталь, осложняющую разработку проблемы факта: «С одной стороны, под эмпирическим фактом имеется в виду отдельное явление действительности, получившее адекватное отражение в познании. В этом наиболее широком смысле факт служит элементарно необходимым компонентом, основой научного исследования. Вместе с тем и именно поэтому факт в этом смысле является лишь сырым материалом, который еще должен быть подвергнут дальнейшей обработке: анализу, изучению,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант 15-06-10716.

интерпретации, поскольку наука не призвана регистрировать единичные, уникальные явления, а изучает устойчивые, повторяющиеся, предвидимые связи и закономерности. С другой стороны, под фактом подразумевают всякую достоверно установленную связь, зависимость, закономерность. В этом втором смысле он выступает уже как полноценный продукт научного исследования, достигнутый результат, осуществленная, хотя и частная, цель науки» [1, с. 220]. Двойственное понимание факта оказывается источником серьезных недоразумений, путаницы. Поэтому необходимо различать факт эмпирический и факт научный. Авторы видят основное различие в следующем: если научный факт обыкновенно дает знание о наличии устойчивой детерминационной связи, возможность в определенных пределах предвидеть реальные явления, открывать закономерности их возникновения и развития, то в эмпирическом факте реально действующие закономерности проявляются далеко не однозначно. Характеризуя эмпирический факт, ученые отмечают: «Он представляет собой внешнее воплощение целого ряда закономерностей самых разных уровней регуляции психики, от сознания до автоматических, неосознаваемых процессов. В эмпирическом психологическом факте ... фиксируется сплав огромного качественного богатства психологических механизмов, стоящих за внешним проявлением» [1, с. 220].

Другой концепцией, где подробно анализируется проблема факта в психологии в методологическом контексте, является известная работа А. В. Юревича [2]. Автор справедливо отмечает: «Одной из особенностей современного состояния психологической науки в России служит сочетание, с одной стороны, высокой востребованности психологического знания и самих его носителей – психологов, с другой – ослабление попыток внести порядок в это знание и явное пренебрежение к методологическим вопросам» [2, с. 15]. А. В. Юревич так характеризует роль фактов в структуре психологического знания: «Психологические факты и феномены обычно рассматриваются как одна из главных «единиц» эмпирического знания психологии. От других видов эмпирического опыта они отличаются относительно устойчивым характером: к фактам и феноменам обычно относят явления, которые обладают достаточной воспроизводимостью и проявляются более или

менее постоянно – по крайней мере, при определенных обстоятельствах. Кроме того, к ним принято причислять не любые относительно стабильные психологические явления, а явления, достаточно существенные для психологической науки, выражающие какие-либо психологические закономерности» [2, с. 26–27].

А. В. Юревич отмечает, что в постмодернистской методологии научного познания прочно утвердились представления о том, что факты всегда «теоретически нагружены» [2, с. 88] и обретают смысл только в рамках определенной интерпретативной структуры, которая задается теориями, парадигмами, исследовательскими программами, традициями и т. п.

Ценно, что автор выделяет типологию психологов в зависимости от отношения к фактам: «По критерию отношения к фактам представителей психологического сообщества можно разделить на три категории. Для одних, и таких подавляющее большинство, гносеологический статус фактов попросту безразличен. Они делают то, что привыкли делать, невзирая на бурные события в философской методологии науки, в частности на распространение постмодернистской методологии. Другие охотно подхватили постмодернистские представления, не без удовольствия, явившегося естественной реакцией на долгие годы господства позитивизма и упрощенных представлений о науке, акцентируя релятивность фактов, их зависимость от теорий и т. п. Третьи, напротив, агрессивно отреагировали на распространение подобных настроений и проявили озабоченность, сопоставимую с той, которая была вызвана формулой «материя исчезает», стремятся восстановить незыблемость фактов и в качестве таковых, и как конечного критерия истины» [2, с. 88]. «Первая позиция, очевидно, в комментариях не нуждается. Что же касается двух других, то при всех их полярных различиях их объединяет недифференцированное отношение к фактам как однотипному и гомогенному виду опыта» [2, с. 88]. Важно, что в работе А. В. Юревича предложен способ упорядочения фактов: «Разнообразие можно упорядочить, выстроив факты, устанавливаемые психологической наукой в рамках системы как минимум пяти шкал, выражающих степень: 1) «жесткости» фактов; 2) их воспроизводимости; 3) контекстуальной зависимости; 4) теоретической нагруженности; 5) социализации» [2, с. 89].

Возникает вопрос: что препятствует новому пониманию факта? Основное препятствие, на наш взгляд, состоит в том, что психологический факт рассматривается сам по себе, тогда как он должен рассматриваться, трактоваться и интерпретироваться в контексте методологии психологии, то есть в рамках методологической концепции психологического исследования. Будучи включенным в методологическо-психологический контекст, факт проявит реальную сложность своего строения и позволит обратиться к выявлению его детерминации.

Психологическое исследование, спланированное нами, основывается на концепции когнитивной методологии психологии. Она представляет собой второй уровень общей методологии психологии. Когнитивная методология психологии – непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории, факта и т. д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи, на наш взгляд, не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Такую методологию можно назвать интегративной когнитивной методологией психологической науки.

Сформулируем суть нашего подхода к разработке когнитивной методологии. К исследованию любого феномена в области психологии существуют различные подходы. Традиционно они рассматриваются как несопоставимые, поэтому в лучшем случае речь идет о сосуществовании подходов. Мы полагаем, что при использовании специального методологического аппарата могут быть найдены дополнительные «точки соприкосновения» и «несопоставимые» концепции окажутся сопоставимыми в значительно большей степени, чем это обычно представляется [3; 4].

Задача, на наш взгляд, выполняема, если в качестве основы для сопоставления выступит общая схема психологического исследования, которое включает в себя следующие структурные компоненты: проблему, предмет психологии, опредмеченную проблему, предтеорию, метод (имеющий три уровня: идеологический, предметный и процедурный), эмпирический материал, объяснение (включающее объяснительную категорию, собственно объяснение, предполагающее уровневую структуру), теорию как резуль-

тат исследования. Подчеркнем, что данная схема исследования является «замкнутой», т. е. теория является основанием для постановки новой проблемы. Таким образом, инструментом сопоставления и соотнесения различных психологических концепций выступает общая когнитивная методология. Мы разделяем следующую позицию: 1) разработка общей методологии возможна, т. к. может быть разработана универсальная модель, позволяющая свести, интегрировать в «общем исследовательском пространстве» важнейшие методологические категории; 2) использование подобного рода интегративной модели позволяет учесть наработки ведущих отечественных и зарубежных методологов, что позволяет сделать разработанная нами ранее соотносительная модель (коммуникативная методология).

Обратимся к проблеме психологического факта в контексте концепции общей (интегративной) методологии психологии.

«Факт – от лат. *factum* – сделанное, совершившееся) – 1) синоним понятий истина, событие, результат; нечто реальное в противоположность вымышленному; конкретное, единичное в отличие от абстрактного и общего; 2) в философии науки – особого рода предложения, фиксирующие эмпирическое знание. Как форма эмпирического знания факт противопоставляется теории или гипотезе» [5, с. 157]. Нас будет интересовать факт во втором значении.

В понимании природы факта в современной философии науки выделяются две основные тенденции: фактуализм и теоретизм. Эти тенденции выступают одной из форм проявления старой дилеммы – эмпиризм – рационализм. Если первая подчеркивает независимость и автономность фактов по отношению к различным теориям, то вторая утверждает, что факты полностью зависят от теории и при смене теорий происходит изменение всего фактуального базиса науки [5, с. 157–158]. А. Л. Никифоров справедливо отмечает: «В настоящее время все шире распространяется убеждение в том, что неверно как абсолютное противопоставление фактов теории, так и полное их растворение в теории. Факт является результатом активного взаимодействия субъекта познания с объектом и обладает сложной структурой, одни элементы которого детерминируются теорией и, следовательно, зависят от нее, а другие – особенностями познаваемого объекта.

Зависимость фактов от теории выражается в том, что теория формирует концептуальную основу фактов: выделяет изучаемый аспект реальности, задает язык, на котором описываются факты, детерминирует средства и методы экспериментального исследования. В то же время полученные в результате эксперимента или наблюдения данные определяются свойствами изучаемых объектов. Они заполняют содержанием концептуальную схему. Таким образом, научный факт, обладая теоретической нагруженностью, в то же время сохраняет автономность по отношению к теории, ибо его содержание не зависит от теории. Именно благодаря этой относительной независимости факты способны противоречить теории и стимулировать развитие научного познания» [5, с. 158]. В другой работе А. Л. Никифоров развивает новое представление о научном факте как некотором сложном целом, состоящем из нескольких элементов, связанных определенными отношениями: «можно констатировать, что научный факт включает в себя три компонента: лингвистический, перцептивный и материально-практический, каждый из которых в равной мере необходим для существования факта» [6, с. 75–76]. «Три компонента факта теснейшим образом связаны между собой, и их разделение приводит к разрушению факта» [6, с. 76]. А. Л. Никифоров дает достаточно подробную характеристику компонентам факта. «Всякий факт, прежде всего, связан с некоторым предложением... Будем называть это предложение лингвистическим компонентом факта. Лингвистический компонент необходим, так как без него мы вообще не могли бы говорить о чем-то как о факте» [6, с. 73]. «Вторым компонентом научного факта является перцептивный компонент. ... определенный чувственный образ или совокупность чувственных образов, включенных в процесс установления факта. ... всякий естественнонаучный факт устанавливается путем обращения к реальным вещам и практическим действиям с этими вещами. ... установление всякого научного факта неизбежно связано с чувственным восприятием и перцептивная сторона в той или иной мере необходимо присутствует в каждом факте [6, с. 73]. «Не столь очевидно наличие в факте третьего, не менее важного компонента – материально-практического. Под «материально-практическим компонентом» факта мы имеем в виду совокупность приборов

и инструментов, а также совокупность практических действий с этими приборами, навыки, умения, используемые при установлении факта» [6, с. 74]. Представляется важным выделение и описание структуры научного факта, проделанное в работах А. Л. Никифорова. Для психологии, возможно, более важным является то, что факт имеет не только «горизонтальное», но и «вертикальное» строение. Иными словами, психологический факт имеет и уровневое строение.

В структуре факта могут быть выделены следующие уровни: идеологический, предметный, процедурный. Идеологический уровень связан с трактовкой предмета психологии, предметный и процедурный, соответственно, с базовой категорией и моделирующими представлениями. Не имея возможности здесь останавливаться на анализе уровней научного факта, сделаем лишь одно замечание, важное для истории психологии. Скажем, возьмем классическое исследование М. Вертгеймером «фи»-феномена. Иногда замечают, что стробоскопический эффект был известен до этого, факт не был новым. Это правильно, но лишь по отношению к процедурному уровню. Ценность этого научного факта – в идеологическом и предметном уровнях. На предметном уровне была доказана целостность гештальта («видимого движения»), на идеологическом Вертгеймер показал наличие феноменального поля. Поэтому уровневая трактовка факта, на наш взгляд, открывает новые перспективы в намеченном направлении. Именно такая трактовка позволяет по-новому решить ряд традиционных психологических проблем и объяснить известные факты: почему разными учеными одни и те же факты воспринимались и оценивались принципиально по-разному. С нашей позиции, ответ очевиден: в этих случаях факты воспринимались так потому, что оказались по-разному теоретически нагруженными, так как оценивались с позиции разных предтеорий. Итак, предварительный анализ проблемы факта свидетельствует, что психологический конструкт «факт» нуждается в специальной методологической проработке.

Как нам представляется, этот момент является ключевым для организации дальнейшего исследования. Поскольку для понимания факта столь важна соответствующая предтеория, важно понять, каким образом происходит эта интерпретация. Таким образом, неизбежно актуальным

становится исследование более общей структуры, в которую включены разного рода предтеории, имеющиеся в наличии у того или иного субъекта. В этом случае логично говорить о профессиональном сознании, в котором должны быть представлены такого рода структуры. Здесь мы сталкиваемся с одной из острейших проблем психологии. Действительно, психологами исследовано много различных видов профессиональной деятельности. В частности, выявлена информационная основа многих видов деятельности. Однако практически не исследована информационная основа деятельности психолога. Не исследован внутренний мир психолога как информационная основа его профессиональной деятельности. Таким образом, ставится задача исследования внутреннего мира психолога-профессионала. Осознавая сложность предстоящей задачи, тем не менее считаем возможным и необходимым эмпирическое исследование структуры этого мира.

Ссылки

1. Иванова И. И., Асеев В. Г. Методология и методы психологического исследования // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. С. 218–245.
2. Юревич А. В. Методология и социология психологии. М.: ИПРАН, 2010. 269 с.
3. Мазилев В. А. Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии // Ярославский педагогический вестник: научный журнал. 2013. № 3, т. 2. С. 186–194.
4. Мазилев В. А. Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции). // Методология и история психологии. 2007. Т. 2, № 1. С. 61–85.
5. Никифоров А. Л. Факт // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2010. С. 157–158.
6. Никифоров А. Л. Философия и история науки. М.: Идея-Пресс, 2008. 264 с.